Рашид ЭМИРОВ

О ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ СИСТЕМНОГО КРИЗИСА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

В статье предпринята попытка выявить и проанализировать природу и основные причины системного кризиса на Северном Кавказе и пути его преодоления. Автор приходит к выводу, что кризис коренится в реалиях самого региона.
The paper attempts to identify and analyze the nature and the main causes of the system crisis on the North Caucasus and ways of its overcoming. The author comes to the conclusion that the crisis is rooted in the realities of the region.

Ключевые слова.
Северный Кавказ, кризис, насилие, терроризм, имидж региона, программа; North Caucasus, crisis, violence, terrorism, region's image, program.

Существует соблазн приписать все беды северокавказских республик, проявляющиеся в исламском, этническом и ином радикализме и экстремизме, внешним факторам. По сути дела, речь идет о том, чтобы списать все проблемы и беды региона, такие как спад производства, терроризм, рост наркомании и др., на «мировую закулису». Как отмечал в свое время президент РФ Д. Медведев, «это экстремизм, поставляемый нам из-за рубежа, – когда уроды всякие приезжают, чтобы на нашей территории гадить. Этого допустить нельзя»[1]. Разумеется, значение внешнего фактора в проблемах региона нельзя игнорировать. Более того, терроризм на Северном Кавказе представляет собой часть международной террористической угрозы. Россия находится на переднем крае борьбы против международного терроризма.

Однако проблемы региона не решить без осознания того очевидного факта, что никакие внешние факторы не способны разбалансировать положение дел в благополучном по всем жизненно важным параметрам обществе. К сожалению, ключ к пониманию многих негативных процессов, происходящих сегодня на Северном Кавказе, необходимо искать не в инспирируемой Западом угрозе религиозного экстремизма, а в том системном кризисе, которым поражены все без исключения ключевые сферы общественной жизни, вся властная система сверху донизу практически всех без исключения республик региона.

Такое положение вещей существенно осложняется и усугубляется тем, что на Северном Кавказе ослаблена монополия государства на законное насилие, что, в частности, выражается в появлении фактически неподконтрольных государству вооруженных формирований, находящихся в подчинении у различных патронов, возрождении в некоторых республиках института кровной мести, перманентной террористической активности и т.д.

Очевидно, что для решения ключевых проблем региона, в т.ч. всех форм и проявлений экстремизма и терроризма, требуются разработка и реализация комплекса программ, начиная с инициирования той или иной формы диалога с главарями и рядовыми участниками незаконных вооруженных формирований и заканчивая активизацией деятельности органов государственной власти и институтов гражданского общества по развитию гражданской культуры, идейно-политическому просвещению, пропаганде патриотизма и т.д.

Чтобы предпринять какие-то позитивные шаги с целью реального

ЭМИРОВ Рашид Маратович – соискатель факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова

[1] Известия, 2009, 11 июня.

диалога с лицами, подпавшими под влияние экстремистов, наряду с политической мудростью и опытом, нужны еще политическая воля и решимость. Практически полностью отсутствует дифференцированный подход к тем, кого причисляют к незаконным вооруженным или просто преступным группировкам. Вместе с тем очевидно, что среди них есть разные люди, пришедшие на противоправный путь разными путями и по разным причинам. Как не без оснований отметил А. Хлопонин на встрече с журналистами трех региональных телекомпаний и газеты «Известия», сегодня нередко под террористов работают обыкновенные бандитские группировки, которые «пытаются прикрываться религией, чем угодно, хотя зачастую преследуют банальные цели – передел собственности». За этим переделом «стоят зачастую чиновники, руководители разного уровня правоохранительных органов, бизнесмены, используя вот этих всех людей для решения собственных задач»[1].

В этом контексте особенно опасными представляются призывы определенных групп к физическому уничтожению без суда и следствия лиц, причисляемых к террористам. Так, в Дагестане в сентябре 2009 г. появились, к примеру, листовки с призывом без суда казнить несколько десятков наиболее активных религиозных радикалов, а заодно и нескольких журналистов, политологов и правозащитников, которые, как, видимо, кажется авторам листовок, излишне сочувствуют боевикам. Листовки распространялись в т.ч. в мечети, где по пятницам собираются тысячи сторонников традиционного ислама – люди горячие и готовые к «акциям прямого действия».

Местные правозащитники заявляют, что в Чечне давно получила широкие масштабы практика поджога домов, принадлежащих семьям боевиков, как когда-то было распространено взятие в заложники членов их семей, что в некоторых случаях сильно способствовало переговорам о сдаче[2].

Как показывает опыт, упор на такие методы, прежде всего на чисто силовую составляющую и желание напугать людей, приводят к обратному эффекту. Разумеется, приоритет политических методов регулирования ситуации на Кавказе не снижает роль силового противодействия преступности, и тем более терроризму. Но обращение к нему многократно повышает уровень требований к институтам права. Имеющие место нарушения закона и прав человека, утрата доверия к правоохранительным органам неизбежно приводят значительную часть общества в поисках безопасности и для восстановления справедливости за пределы правового поля, а в условиях Кавказа – создают питательную среду и для пополнения рядов незаконных вооруженных формирований.

Без решения политических и социально-экономических проблем попытки остановить эскалацию конфликта силой тоже ведут к расширенному воспроизводству его социальной базы. Рост имущественной дифференциации внутри республик и между жителями Кавказа и других регионов России, разрушение экономики, хроническая безработица – все это, безусловно, представляет собой горючий материал, разжигающий конфликт и готовый в любой момент вспыхнуть в угрожающих масштабах[3].

Помимо чисто политических, административных, этнонациональных и прочих проблем, в регионе существует и множество других, от решения которых зависит успех реформ в целом. К примеру, весьма серьезно стоит проблема дефицита профессиональных руководителей, менеджеров и финансистов. В неудовлетворительном состоянии находится инфраструктура воспроизводства человеческого капитала, не определены стратегические задачи развития системы образования, здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, объектов транспорта и связи и т.д.

Руководители каждой из национальных республик не перестают говорить о необходимости отказа от клановой системы, решительной борьбы с коррупцией и мздоимством, переходе к рекрутированию управленцев не по этническим, а по профессиональным признакам. Однако реализация принципа опоры на профессионалов встречается, помимо всего прочего, с такими объективными преградами, как острый дефицит управленцев-профессионалов.

За последние 20 лет в регионе заметно

[1] Известия, 2010, 31 мая.

[2] Время новостей, 2009, 22 окт.

[3] Шабров О. Восток и его тонкости // НГ-Политика, 2009, 3 нояб.

ухудшилось качество среднего, среднего специального и высшего образования. Появилось множество филиалов центральных коммерческих вузов, выпускающих зачастую обладателей дипломов сомнительного свойства. В первую очередь это экономисты, юристы, менеджеры. Рекордсменом в этом плане является Дагестан, который по числу вузов, включая их филиалы, занимает 2-е или 3-е место по России. Снижение качества образования четко коррелирует с масштабами коррупции в вузах, а в последние годы, в связи с введением ЕГЭ, – и с коррупцией в школах.

Разумеется, касаясь вопроса о внутренних угрозах национальной и региональной безопасности, нельзя игнорировать феномен кавказофобии и так или иначе связанной с ней исламофобии, которые служат фактором социальной напряженности в сфере межнациональных отношений на Северном Кавказе. Нагнетание антикавказских настроений в России, особенно в крупных городах, причем не без участия отдельных органов государственной власти и государственных чиновников, стали серьезным морально-психологическим препятствием на пути решения стоящих перед регионом проблем. По подсчетам А.Г. Дружинина, более 70% информации о Южном федеральном округе на общегосударственных каналах носит негативный характер[1].

Стойкая ксенофобия в отношении тех, кого российские правоохранительные органы называют «лицами кавказской национальности», зачастую с негативным оттенком, укоренившийся политический цинизм и коррупция поддерживают в целом негативный образ Кавказа и проживающих там народов. Это, в свою очередь, отрицательно сказывается на инвестиционной привлекательности Северного Кавказа, притоке капиталов, туристов, отдыхающих и т.д. Тем самым наносится невосполнимый экономический и моральный ущерб региону и делу нормализации общественно-политической ситуации.

Естественно, изменение такого негативного имиджа в позитивную сторону – весьма сложная и трудноразрешимая задача. Тем не менее такая работа представляет собой дело стратегической важности, является одним из ключевых факторов, способствующим эффективным социально-экономическим и политическим преобразованиям, повышению статуса и престижа региона в глазах как остальной России, так и потенциальных инвесторов. Одна из главнейших проблем, существенно мешающая преодолению в сознании остальной России синдрома «лиц кавказской национальности», является плохое знание друг друга российскими гражданами разных регионов или просто полное отсутствие такого знания.

Естественно, формирование позитивного имиджа Северного Кавказа – это задача, прежде всего, самих народов, их политических, экономических, культурных элит. Они должны искать пути и средства формирования надэтнической общерегиональной идентичности, которая, в свою очередь, должна стать промежуточным звеном и интегральной составляющей общероссийской национальной идентичности. Как отмечал О.Ф. Шабров, «нужно вести речь о межэтнической региональной консолидации Кавказа в качестве российского, а не северного. Консолидация эта возможна на основе общих для кавказцев традиций»[2]. Здесь ключевая роль принадлежит политической системе и институтам гражданского общества. Однако с сожалением приходится констатировать, что с этой задачей национальные элиты пока что не справляются.

Существенный вклад в разрешение данной проблемы могут внести разработка и реализация федеральной целевой программы по формированию культуры межэтнического и межконфессионального общения, сотрудничества и гражданской солидарности религиозных объединений Российской Федерации. В этом направлении представляется целесообразным внести определенные коррективы в идеологические и социокультурные приоритеты, информационно-идеологическую политику государства, которая, судя по экспертным опросам в регионе, воспринимается как антиисламская и раскалывающая российское общество по конфессиональному признаку. Это важно для всемерного информационно-идеологического противодействия чуждым российскому обществу ценностям и установкам.

Названные и множество других связанных с ними реалий российского Северного Кавказа показывают, что в

[1] Дружинин А.Г. Юг России конца XX – начала XXI в. (экономико-географические аспекты). – Ростов н/Д, 2005.

условиях системного кризиса, пронизывающего все без исключения ключевые сферы общественной жизни, определяющее значение для достижения целей нормализации ситуации в регионе имеют разработка и реализация научно обоснованной и понятной всем народам северокавказских республик национальной политики, призванной решать двуединую задачу обеспечения прав всех народов региона, с одной стороны, и их единства в составе РФ – с другой. Такая политика станет эффективной лишь в том случае, если она будет базироваться на признании существования на Северном Кавказе множества исторически сложившихся народов со своими особыми национальными языками, культурами, традициями, специфическими интересами и т.д. Необходимо также признать важность и значимость проблемы, связанной с совмещением цели сохранения единства страны как многосоставного, многонационального сообщества с целями реформирования и демократизации экономики, социальной и политической сфер, а также межнациональных отношений. Консервация и, более того, расширение прежних структур и системы дележа властного пирога между различными кланами, которые привыкли считать государственную власть чем-то вроде своей неотъемлемой собственности, – это путь, чреватый возможными негативными последствиями для перспектив и жизнеспособности государства.

Такой путь представляет собой серьезную угрозу как национальной и региональной безопасности, так и единству и территориальной целостности Российской Федерации. Естественно, в этом направлении ключевое значение имеют разработка и реализация национальной стратегической программы, основанной не на охвате какой-либо одной, например отдельно взятой социально-экономической, политической, духовной или др. сферы, а на системном охвате всех без исключения ключевых составляющих Северного Кавказа как внутреннего геополитического пространства России.

Представляется целесообразным расширить и укрепить органы государственной власти, представляющие федеральный центр в регионах. Речь идет, прежде всего, о правоохранительных и контролирующих органах, а именно ФСБ, судебной системе, прокуратуре, полиции, Счетной палате и др., их комплектовании как можно большим числом лиц, не связанных с местными этноклановыми и иными структурами.

Нельзя также с порога отвергать возможность введения в тех или иных республиках или же в отдельных сферах общественной жизни прямого президентского правления из Москвы. Данный тезис можно обосновать тем, что большинство населения склонны винить во всех бедах Северного Кавказа именно федеральный центр за его будто бы нежелание жестко наказывать местных баронов, казнокрадов, коррупционеров, мошенников, кланово-мафиозные структуры и т.д.

Особую актуальность и значимость такой постановке вопроса придает тот факт, что регион все еще продолжает находиться в глубоком системном кризисе, пронизывающем не только социально-экономическую, но также другие ключевые сферы, прежде всего этнонациональную, конфессиональную и политическую, каждая из которых таит свои угрозы территориальной целостности и государственному единству Российской Федерации. Понимание этой проблемы имеет ключевое значение не только для разработки и реализации внутриполитического курса государства в регионе, но и для определения внешнеполитического курса по отношению ко многим соседним государствам, да и ко всему мировому сообществу в целом.